
Опыт изучения ландратских книг петровского времени

Денис Ляпин

The experience of studying the Landrat's books of Peter the Great's time

Denis Lyapin

(Bunin Yelets State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870013441-6

Среди корпуса исторических источников первой четверти XVIII в. представляют особый интерес результаты последней массовой подворной переписи России, проведённой в 1715—1720 гг. Поскольку составление переписных книг было поручено ландратам (помощникам губернатора на местах из числа царедворцев), в историографии за этой переписью закрепился термин «ландратская», а составленные по её итогам книги получили название «ландратских». Цель этой статьи — показать информативные возможности ландратских книг для получения фактических сведений о населении и учётных институциях Российского государства петровского времени. Особенно важно аргументированно оценить познавательное значение этого массового источника и обратить на него внимание научного сообщества, поскольку до сих пор ландратские книги не были предметом отдельного обстоятельного изучения.

Впервые налоговая политика Петра I была рассмотрена ещё в 1840-х гг. А.И. Кранихфельдом. Рассуждая о ландратской переписи, он отметил присущую ей актуальность, но также указал и на важность перехода страны к подушному налогообложению. Кранихфельд показал большое значение подушной подати в истории России, он считал это начинание одним из важнейших событий петровской эпохи¹. Со временем сложилась традиция особенно выделять подушную подать среди прочих налоговых нововведений царя-реформатора и изучать её как прогрессивное, хотя и не доведённое до конца явление. Ландратская перепись, предшествующая подушной, оставалась в тени и даже была признана неудачной и якобы побудившей власти перейти к подушному сбору. С.М. Соловьёв, изучая процесс учреждения должности ландратов при губернаторах, подробно описал деятельность провинциальных чиновников, но сама проведённая ими ландратская перепись осталась за рамками его работы². Учёный считал, что фискальная политика Петра I была связана главным образом с введением многочисленных косвенных налогов и переходом к прямому подушному налогообложению по указу 1718 г. В труде М.М. Богословского об истории местного управления в начале XVIII в. тоже рассмотрена работа ландратов, но вопрос о составлении ими переписи обойдён вниманием, хотя Богословский и предположил, что опыт составления ландратских книг учитывался при организации новой налоговой реформы: речь шла о традиционном

© 2021 г. Д.А. Ляпин

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, в рамках научного проекта № 20-09-42073.

¹ *Кранихфельд А.* Взгляд на финансовую систему и финансовые учреждения Петра Великого. СПб., 1845. С. 49—53.

² *Соловьёв С.М.* Истории России с древнейших времён. Кн. 4. Т. XVI—XX. СПб., 1877. С. 148.

сборе «сказок» с населения, дававших главные сведения о его составе³. Упомянув о проведении ландратской переписи, В.О. Ключевский обратил внимание на то, что выборы ландратов в 1713 г. стали попыткой государства привлечь дворянство к внутреннему управлению на новых началах. Несмотря на то что в 1718 г. должность ландратов была отменена, их практический опыт успешно применялся при организации новой подушной переписи, для чего дворянство выбирало из своей среды земских комиссаров⁴. Особенностей проведения переписи и вопроса о её достоверности исследователь не коснулся. П.Н. Милюков считал, что именно неудовлетворённость Петра I составлением ландратских книг заставила его отказаться от подворных налогов в пользу подушного обложения, но конкретных подтверждений этому не привёл. С точки зрения Милюкова, необходимость в составлении ландратских книг отпала сама собой в 1718 г. (когда было решено ввести подушное обложение)⁵.

Со временем мнение о том, что ландратская перепись была неэффективной и даже отразила кризис подворного налогообложения, стала превалировать в историографии. С ландратской переписью всё чаще смешивали подворное описание 1710 г., о котором современники действительно оставили нелестные отзывы, а правительство признало необъективным⁶. Впрочем, согласно мнению М.В. Ключкова, после трёх лет проведения переписи, в 1718 г., правительству стало ясно, что итоговое число дворов не превысит данные 1678 г., а это означало, что дальнейшее использование подворной системы налогообложения не позволит покрыть потребности государства. Именно этим, а не недостатками ландратской переписи, была обусловлена новая налоговая реформа⁷. Стоит отметить и мнение Б.Б. Кафенгауза — автора обширного раздела о финансовых реформах первой четверти XVIII в. в «Очерках по истории СССР». Историк отметил, что итоги подворного описания 1710 г. показали явное сокращение числа дворов. Правительство посчитало это следствием укрывательства населения и недобросовестности со стороны губернских властей. Именно поэтому в 1715 г. началась новая перепись (ландратская), но и она показала сокращение числа дворов из-за реальной убыли населения и бегства низших податных слоёв общества. Практическая необходимость в новой системе взимания прямых налогов (фактическое усиление податного бремени) заставила правительство отказаться от дальнейшего составления подворных переписей⁸. По мнению Кафенгауза, данные ландратских книг показали властям, что единственный быстрый способ пополнить казну — увеличить прямые налоги, изменив систему их сбора.

Мнение Ключкова и Кафенгауза о ландратских книгах как источнике, не уступающем в достоверности предыдущим переписям, не стало поводом к их

³ Богословский М.М. Исследования по истории местного управления при Петре Великом. М., 1903. С. 324—326.

⁴ Ключевский В.О. История сословий в России. Собрание сочинений в 9 т. Т. 6. М., 1989. С. 386; Ключевский В.О. Подушная подать и отмена холопства в России // Там же. Т. 8. М., 1990. С. 195.

⁵ Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в. и реформа Петра Великого. СПб., 1905. С. 471—472.

⁶ Лященко П.И. История русского народного хозяйства. М.; Л., 1930. С. 206; Струмилин С.Г. Очерки экономической истории России. М., 1960. С. 322, 328.

⁷ Ключков М.В. Население России при Петре Великом по переписям того времени. СПб., 1911. С. 420—425.

⁸ Очерки по истории СССР. XVIII в. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I. М., 1954. С. 388—389.

обстоятельному изучению. Этот вид фискальной документации так и остался за пределами интересов научного сообщества. Рассматривая особенности проведения податной реформы 1719—1727 гг., Е.В. Анисимов не остановился на исследовании ландратской переписи, хотя и согласился с мнением Ключкова о том, что оснований для признания её недостоверной нет⁹. Известный специалист в области исторической демографии Я.Е. Водарский в работе о населении России в конце XVII — начале XVIII в. сосредоточил внимание на двух переписях — 1678 г. и первой ревизии подушной подати 1719 г. — ландратская перепись вновь осталась за рамками исследовательского внимания¹⁰.

Современные историки обращаются к данным ландратских переписей в основном как к источнику сведений по генеалогии, а также для изучения юридических особенностей ревизского учёта податного населения России¹¹. В последние годы появились исследования, посвящённые деятельности ландратов, в частности работы Д.А. Редина, ставшие результатом анализа деятельности института ландратуры Сибири¹². Учёный отметил большую самостоятельность губернских властей в годы проведения подворной переписи и подчеркнул слабую изученность деятельности ландратов в историографии¹³. Отмечу также статью С.В. Фурсова о ландратской переписи 1716 г. Добровского уезда. Автор остановился на рассмотрении состава и численности населения уезда и проанализировал причины их изменения в 1710—1716 гг.¹⁴

Исторические условия возникновения ландратских книг как массового источника связаны с необходимостью реформирования системы взимания прямых налогов. В 1710 г., впервые после 1678 г., в России провели подворную перепись, причём сразу по её завершении было принято решение о начале нового описания из-за небрежного отношения местных властей к переписи и недобросовестной работы переписчиков¹⁵. В Московской губернии ландраты стали проводить перепись уже летом 1715 г. Затем по указу Петра I от 10 декабря 1715 г. надлежало начать описание дворов и жителей без «утайки и поноровки» во всех губерниях¹⁶. Повсеместная перепись началась в 1716 г. Новое описание должно было пройти в течение 1—2 лет, но затянулось. Не дожидаясь его окончательных итогов, в 1718 г. Пётр I принял решение о переходе к новой

⁹ Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I. Л., 1982. С. 38.

¹⁰ Водарский Я.Е. Население России в конце XVII — начале XVIII вв.: численность, сословно-классовый состав, размещение. М., 1977. С. 12.

¹¹ Ляпин Д.А., Лильн И.Г. Бехтеевы: родословная роспись. Елец, 2009; Дементьев В.С. История учёта населения России до начала XX в. // Географический вестник. 2015. № 4(35). С. 11—17; Борщик Н.Д. Переписи населения Курского края в XVII—XIX вв.: к историографии проблемы // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. Вып. 12(68). С. 285—289; Мельников П.Ю. Правовые основы ревизского учёта населения в российской империи в начале XVIII века // Вестник Саратовской юридической академии. 2012. № 2(84). С. 49—54.

¹² Редин Д.А. Сибирская ландратура: место вятских ландратов в структуре губернского управления периода первой областной реформы Петра Великого // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2012. № 3(105). С. 31—47; Редин Д.А. Сибирские ландраты. 1714—1720 гг. (Материалы к исследованию) // Петровское время в лицах — 2005. СПб., 2005. С. 181—194.

¹³ Редин Д.А. Сибирская ландратура... С. 31.

¹⁴ Фурсов С.В. Город Добрый и уезд по материалам ландратской переписи 1716 г. // История: факты и символы. 2018. № 4(17). С. 86—94.

¹⁵ Доклады и приговоры, состоявшиеся в правительственном Сенате в царствование Петра Великого. Т. VI. Кн. 1. СПб., 1901. С. 302; Милоков П.Н. Указ. соч. С. 471—472.

¹⁶ ПСЗ-I. Т. 5. № 2964. С. 185.

системе сбора прямых налогов — подушной¹⁷. Тем не менее начатая ландратами в 1715 г. работа была доведена правительством до конца и окончена в 1720 г. (вместе с упразднением должности ландратов).

Механизм проведения ландратской переписи был традиционным: сбор сказок с населения, составление переписных книг (черновых вариантов), а затем на их основе — чистовых вариантов, т.е. итоговых результатов переписей. В настоящий момент ландратские книги (111 единиц хранения) находятся в фонде 350 РГАДА. Они не выделены в отдельный комплекс документов и хранятся вместе с переписными книгами 1710 г., различными частными переписями 1707, 1712—1714 гг., а также сказками и перечневыми книгами. При подготовке статьи были выбраны и проанализированы отдельно семь ландратских книг: Елецкая, Дорогобужская, Мешовская, Тульская и Лихвинская, Царёвококшайская и Миропольская. Такой выбор обусловлен географической разнородностью описанных в них уездов. В рамках системного подхода при изучении ландратских книг использованы традиционные приёмы источниковедческого анализа: сравнение, обобщение и систематизация данных. Ландратские книги не имеют единой структуры, их можно разделить на несколько условных групп: 1) составленные по типичному формуляру XVII в. (без колонок и таблиц); 2) чётко разделённые на колонки-столбцы по тексту; 3) состоящие главным образом из сводных таблиц; 4) имеющие комбинированный формуляр. В исследовании использованы книги, относящиеся к каждой из данных групп.

Елецкий уезд находился на северо-западе Азовской губ. Ландратская книга уезда была составлена комиссией во главе с Г.М. Наумовым, происходившим из стольников («царедворцев»), как и большинство ландратов¹⁸. Она представляет собой объёмный фолиант в 1 368 листов¹⁹. Сначала следует описание города (церквей и слобод), потом — уезда. Информация разделена на столбцы по тексту: все листы тетрадей, сшитых в книгу, делятся на две колонки — «наличные» и «убылые», где отмечаются данные по населению с обязательным указанием того, как «убыл» или «прибыл» тот или иной человек в сравнении с прошлой переписью (умер, родился, «сшел безвестно», переселился). Подсчёты в конце книги даны по нескольким грациям: общая численность мужчин и женщин, число убиавших и прибывших (с разбивкой на группы).

Описание города содержит упоминание следующих категорий населения: священнослужители, подьячие (площадные и Духовного приказа), бобыли, нищие, стрельцы, пушкари, ворóтники, казаки, посадские люди, дети боярские, солдатские дети, зависимые люди. Преобладающей группой были служилые люди, среди которых, в свою очередь, доминировало городское казачество (499 человек²⁰), затем следовали стрельцы (160) и пушкари (112). Численность посадских людей составила 124 человека. Население Елецкого уезда было представлено помещиками и вотчинниками, «служилыми людьми всяких чинов», с одной стороны, и крестьянами, бобылями, задворными и деловыми людьми — с другой. Помещики и вотчинники, этот высший слой местного общества, в ландратской книге не указаны даже количественно. Что же касается «слу-

¹⁷ Там же. № 3287. С. 618—620.

¹⁸ *Захаров А.В.* «Государев двор» и царедворцы Петра I: проблемы терминологии и реконструкции службы // *Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682—1750 гг.)*. М., 2013. С. 30.

¹⁹ РГАДА, ф. 350, оп. 1, д. 113, л. 1.

²⁰ Здесь и далее в скобках указано количество мужчин.

жилых людей всяких чинов», то эта категория населения представляла собой потомков рядовых детей боярских, которых обязали в 1710 г. платить подати, освободив от участия в полковой службе²¹. Ландратская книга содержит упоминания в рамках данной группы следующих чинов: рейтары, солдаты, копейщики и городовые. Все они продолжали нести военную службу, пока Елец сохранял значение военной крепости. При этом уездное служилое сообщество являлось социальной базой для набора в солдаты, «гварнизоны» и «ландмилисы»: согласно сведениям ландратской книги с 1710 г. их число пополнили 223 человека (9%). Слово «крестьяне» употребляется в ландратской книге только в предисловии, в заключительной части книги эта категория лиц именуется «работными людьми» (сюда включены все низшие слои общества). Их численность определена в 5 585 человек, бобыли значатся только за местным елецким монастырём (14). Задворные и деловые люди не объединены в одну группу, их упоминания связаны с описанием дворов служилых людей, а численность не превысила 50 человек. Книга содержит подробные сведения о церковнослужителях различных рангов (122).

Дорогобужский уезд в результате административной реформы 1708 г. оказался в центре Смоленской губ., однако в 1713 г. вошёл в состав Рижской губ. За составление переписи отвечал ландрат полковник Иван Михайлович Потёмкин, выходец из «царедворцев»²². Ландратская книга Дорогобужского уезда представляет собой рукопись объёмом в 750 листов. Она архаична по своей структуре и напоминает скорее переписи XVII в.: не содержит разбивки на прибывших и убывших, перечисляет население по дворам в одну строку, отделённую пробелом, сравнения с предыдущими переписями касаются только нескольких общих подсчётов (например, количества посадских людей). В книге имеется своеобразное приложение, находящееся в самом конце, — это единственная таблица под названием «Города Дорогобужа всяких чинов люди». К таблице дан комментарий, сообщающий, что здесь содержатся имена и фамилии тех помещиков и вотчинников, которые упоминаются в книге, с указанием страницы и звания. Первый столбец этой таблицы — «Прозвание» — содержит различные литеры, второй включает имена и фамилии помещиков и вотчинников, третий — листы книги, на которых упомянуты их крестьяне²³. Таким образом, ландратская книга Дорогобужа даёт информацию по фамилиям местной служилой элиты, что само по себе редкость для данного вида источников.

Социальная градация города Дорогобужа выглядит в ландратской книге следующим образом: священнослужители, «служащие» (мелкие чиновники), жёны и дети драгун и солдат, взятых в армейские полки, ямщики, неслужилые пушкари, посадские люди, кузнецы, нищие, монахи, «бельцы», монастырские приказчики и конюхи. Самой большой группой населения были посадские люди — 782 человека в 157 дворах. При этом в переписной книге 1678 г. значилось 232, а в книге 1710 г. — 170 дворов. 63 двора были пустыми, а рядом находились дворы «неимущих вдов, с которых дворов в солдат и в драгун дети и свойственники служат», всего — 15 человек²⁴. Жители Дорогобужского уезда представлены помещиками, вотчинниками, сотниками, крестьянами,

²¹ ПСЗ-1. Т. 3. С. 655—656.

²² РГАДА, ф. 350, оп. 1, д. 111, л. 1; *Захаров А.В.* «Государев двор» и царедворцы Петра I... С. 30.

²³ РГАДА, ф. 350, оп. 1, д. 111, л. 745.

²⁴ Там же, л. 22—38.

монахами и работниками монастыря. Перепись отмечает, что в 1678 г. за помещиками и вотчинниками значилось 2 578 дворов тяглых людей, в 1710 г. — всего 1 803 «двора жилых, а ныне — 2 315 дворов жилых, да помещиковых — 58 дворов». Общая численность крестьян, упоминаемых в ландратской книге Дорогобужского уезда, составила 15 185, помещиков — 293 человека²⁵. Обеспеченность рабочими руками местных землевладельцев была вполне приемлемой.

Мещовский уезд на момент переписи входил в состав Смоленской губ., являясь её восточной окраиной. Общий объём составленной здесь ландратской книги — 177 листов. Рукописный фолиант, написанный двумя аккуратными почерками, хорошо сохранился. Сравнительные данные в книге сведены в таблицы, однако итоги проделанной работы изложены обычным текстом. По своей структуре данная перепись имеет смешанный характер. Население города Мещовска было представлено главным образом посадскими людьми (177), а также нищими (11) и солдатами (9); все солдаты находились на службе, а в их дворах жили женщины и дети (16)²⁶. Землями в уезде владели помещики и вотчинники (численность их обозначена). Наряду с их дворами упоминаются и «скотные дворы». Общее количество дворов составило 350, «а в них дворовых и деловых людей, и скотников» 3 205 человек. Можно предположить, что в это число входят также помещики и вотчинники, иначе количество зависимых людей выглядит слишком значительным (в среднем 10 человек на каждый двор). За помещиками и вотчинниками числилось 17 502 крестьянина и бобыля. Указание количества конюхов — требование, характерное для многих наказов к ландратским книгам, но только здесь мы видим их конкретное упоминание. Отдельно считались монастырские крестьяне, бобыли, скотники, хлебники и прочие служащие. Их количество в Мещовском уезде составляло 1 514 человек, в конце переписи следуют списки «нищих церковных и солдатских» — 18 человек²⁷.

Тульский уезд располагался в южной части Московской губ. Ландратская книга Тульского уезда, состоящая из 900 листов, начала составляться уже в 1715 г., руководил переписью ландрат Гаврила Журавлёв²⁸. Особенность ландратской книги Тульского уезда заключается в том, что она очень подробно расписывает причины убыли населения (переведено, вымерло, бежало, взято в солдаты) с указанием численности по каждому случаю. В Туле перепись зафиксировала церковнослужителей, дворовых людей, дворян, рейтар, солдат, пушкарей и воротников, подьячих, представителей Гостиной сотни, посадских людей, кирпичников, гончаров, ямщиков, нищих²⁹. В 1715 г. в городе было ещё много традиционных социальных групп: представители Гостиной сотни (13 человек), воротники и пушкари (15 человек), рейтары и солдаты (150 человек), церковнослужители различных рангов (623 человека). Наличие военного контингента указывает на то, что город был важным стратегическим пунктом, требующим охраны и защиты. Рейтары и солдаты могли выполнять милицейские функции, а также надзирать за порядком. Посадские люди составляли главную часть населения города, их численность составила 1 350 человек. Не совсем понятно, какая именно категория населения Тулы названа «дворянами», скорее

²⁵ Там же, л. 738 об.

²⁶ Там же, д. 238, л. 176, 177 об.

²⁷ Там же, л. 176 об.

²⁸ Там же, д. 427.

²⁹ Там же, л. 844.

всего, имеются в виду дворы московских чинов («царедворцев»). Уездные жители представлены помещиками и вотчинниками (1 697), а также крестьянами и бобылями (4 675). В среднем на каждого землевладельца в уезде приходилось примерно по 3 крестьянина. Такое соотношение сложилось здесь исторически: в прошлом на южных территориях Тульского края численность крестьян была недостаточной, а в Азовской губ. — и вовсе минимальной³⁰.

Расположенный между Калугой и Тулой *Лихвин* (сегодня — Чекалин) в 1708 г. вошёл в состав Смоленской губ., но в 1713 г. был передан в Московскую. Переписную книгу объёмом 660 листов составил ландрат Илья Брянцев. Книга, написанная аккуратным почерком, по своей структуре напоминает тульскую перепись: в ней отсутствуют таблицы и содержится подробная роспись «убылого» населения. Согласно переписи, в Лихвине находилось 9 828 человек (кроме монахов). За исключением чиновников и церковнослужителей здесь проживали посадские (140) и служилые люди (47). Последние состояли из солдат (35), пушкарей и рассыльщиков (4). Наблюдается явное преобладание посадского населения (60%), а военная функция Лихвина, когда-то находившегося на западном пограничье страны, ушла на задний план. Сравнения с данными 1710 г. показывают, что всё это время местный гарнизон не пополнялся. В Лихвинском уезде состав населения был достаточно однородным и типичным для региона: помещики и вотчинники, солдаты и крестьяне³¹. К сожалению, численность крестьян в источнике не указана — упоминаются лишь их дворы (1 096), помещиков и вотчинников значилось 119 человек. В ландратской книге на поместных землях отдельно отмечены 90 «крестьян нищинских», которым нечем платить подати. Уездные солдаты (59) были ранее архиерейскими слугами.

Царёвококшайск (сегодня — Йошкар-Ола) в 1708 г. вошёл в состав Казанской губ. Ландратская книга (362 листа) была составлена здесь вместе с описанием Яранска и Уржума, что несколько затрудняет работу с ней. Подобные коллективные описания характерны для ландратских книг нескольких небольших уездов Азовской, Киевской и Казанской губерний. Особенность материалов переписи Царёвококшайска заключается в том, что они имеют многочисленные таблицы с указанием всевозможных сопоставлений. В итоговых данных книги отсутствуют чёткие обобщающие выводы, сообщаются только причины убыли населения. Социальный состав жителей города Царёвококшайска представлен священнослужителями, посадскими людьми и «азовскими переселенцами». Судя по фамилиям, жители города были русскими. Такая же ситуация наблюдалась в Яранске и Уржуме, где в 1710 г. даже специально отмечалось, что драгун и солдат нет «и не прибыло»³². Общее количество населения города не обозначено. Таким образом, перепись сообщает только об «убылых дворах» с подробным описанием состава семей и причин убыли. Судя по этим данным, с 1710 г. потери составили 17 человек, значит и общая численность местных жителей вряд ли была большой.

³⁰ Черников С.В. Дворянство и крепостное крестьянство Елецкого уезда в конце XVII — середине XVIII столетия // Вехи минувшего: Учёные записки исторического факультета. Вып. 3. Липецк, 2003. С. 42; Лятин Д.А. Из помещиков в крестьяне: о происхождении сословия государственных крестьян-однородцев // История в подробностях. 2010. № 6. С. 11—16.

³¹ РГАДА, ф. 350, оп. 1, д. 226, л. 645, 656.

³² Там же, д. 136, л. 357 об., 365 об.—370.

Город *Мирополье* располагался в центре Киевской губ. Данный регион стал активно заселяться только во второй половине XVII в., когда здесь сформировались несколько казачьих полков, имевших определённую автономию. Это было сделано для защиты центральных русских территорий от возможных нападений крымских татар и турок, претендующих на земли Украины. В 1651—1655 гг. Мирополье вошло в состав Сумского слободского казачьего полка. Ландратская книга Мирополья объемом в 148 листов была составлена позже остальных — в 1720 г. Написанная аккуратным почерком, она не имеет таблиц, хотя достаточно подробна. Особенность рукописи заключается в том, что в ней нет сопоставлений с данными переписей 1678 и 1710 гг. Это может быть связано с тем, что они здесь не проводились. Другая её отличительная черта — наличие подробной информации о земельных владениях, пчелиных заводах, рыбных ловлях и банях, с которых следовало платить налог, с указанием размеров платежа. Согласно данным ландратской книги Мирополья в городе и уезде (они не разделяются здесь по структуре) проживали священнослужители (112), подьячие (4), капитан, прапорщик солдатского строя, представители полковой сотенной службы (8), люди «копеечного чину» (13), солдаты (1 020), городовые (702), а также дворовые люди (151)³³. Интересно, что в общем подведении итогов упоминаются и однодворцы, о которых подробных сведений в подсчётах нет. Представленные в книге данные о составе населения показывают нам сходство с ситуацией в Елецком уезде. Однако в Мирополье не упоминаются посадские люди, что неудивительно, поскольку территории казачьих полков были сугубо военными образованиями.

Обобщая приведённые примеры, следует обратить внимание на то, что переписчики должны были (за редкими исключениями) сравнивать свои результаты с итогами прошлых переписей. Однако стремление к максимально возможной верификации полученных сведений, конечно, не значило, что ландраты получили абсолютно точные данные. Тем не менее ландратские книги содержат ценный материал о численности мужчин и женщин, а также о процессе движения населения. Важно заметить, что логика составления ландратских книг была взята за основу при организации новой подушной переписи: так же собирались сказки (получившие название ревизских) и данные сопоставлялись с предыдущими переписями. В этой связи ландратские книги необходимо рассматривать не как кризисный период в составлении фискальных переписей, а как определённый переходный этап в развитии системы учёта населения в России. Недостатком ландратских книг является отсутствие единой чёткой структуры. Отдельные из них очень подробны и информативны (Тульская, Елецкая) и могут стать предметом специального изучения и публикации, другие содержат не так много информации, почерк писцов не всегда разборчив, а сводные данные даются только по отдельным группам населения. Иногда информация в одной книге включает совокупные данные по нескольким уездам и городам, что затрудняет обработку представленных сведений.

Несмотря на то что ландратские книги, как и другие подворные переписи, не дают общей социальной и демографической картины надлежащей достоверности, они могут быть дополнительным источником для изучения социальной истории России. Во всех изученных рукописях состав городского и уездного общества представлен достаточно чётко. В ландратских книгах мы встречаем упоминания о традиционных группах населения, здесь можно увидеть и при-

³³ Там же, д. 240, л. 140.

знаки формирования новой общественной градации. Очевидно, что калейдоскоп чинов Московского государства в контексте налоговых преобразований постепенно заменяют обобщённые социальные группы, отсутствует традиционное разделение по виду занятий. Только в Туле градация категорий горожан более сложная. Наиболее разнообразным и архаичным был социальный состав Елецкого и Миропольского уездов, где мы встречаем рейтар, солдат, копейщиков и городовых. Эти категории населения — результат исторического развития этих регионов в XVII в., когда дети боярские (Елец) и полковые казаки (Мирополье), почти не имевшие крестьян, но владевшие крупными земельными участками, составляли основную массу жителей — мелких землевладельцев. Немаловажно и то, что ландратские книги фиксируют не только податное население: все они упоминают помещиков и вотчинников.

Ещё один важный процесс, который отразился в ландратских книгах — образование нового слоя уездной элиты — «помещиков и вотчинников». Само по себе это определение отсылает нас к предыдущему столетию, в котором владение землёй являлось привилегией «служилых по отечеству». Вероятно, это обстоятельство и заставило переписчиков использовать данный термин. Процесс формирования нового дворянства петровского времени (шляхетства) во многом зависел от региональной специфики. В Елецком уезде, например, в состав уездной служилой элиты петровского времени вошли около 10% из общего числа помещиков XVII в. — детей боярских³⁴. В Мирополье правительство сохранило земли за представителями казачьих слободских полков, а в уездах ближе к историческому центру России в число помещиков и вотчинников вошла группа лиц, являвшаяся высшим слоем общества уже на протяжении нескольких поколений. В последнее время вопрос о формировании шляхетства и генералитета петровского времени признаётся особенно важным³⁵.

Несмотря на недостатки ландратских книг петровского времени как массового источника, их исследование в целом представляется перспективным в нескольких направлениях. Во-первых, переписи отдельных уездов могут служить свидетельством развития конкретной территории и будут интересны в контексте региональных исследований. Во-вторых, большинство книг содержат много подробных демографических данных, которые отражают происходящие в обществе историко-демографические процессы. В-третьих, перспективным представляется сравнительный анализ данных по социальному составу населения разных уездов страны. Не стоит забывать и о важности ландратских переписей для составления родословных росписей и поиска генеалогических данных. Надеюсь, что научное сообщество обратит должное внимание на эти исторические свидетельства эпохи модернизации Российского государства, ведь информативная ценность ландратских книг обусловлена самим присутствием им переходным характером в истории учёта населения в фискальных целях.

³⁴ Дворянство и его крепостные крестьяне в XVII—XVIII вв. М., 1989. С. 38—92.

³⁵ *Захаров А.В.* Проект информационной системы «Сказки генерального смотря шляхетства 1721—1722 гг.» в контексте изучения массовых источников и регестров // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 16(371). Вып. 65. С. 130—139; *Полонский Д.Г.* Самоидентификация русского дворянства и петровская реформа эпистолярного этикета (конец XVII — начало XVIII в.) // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ... С. 234—255; *Черников С.В.* Правящая элита России 1725—1762 гг.: массовые источники биографического характера и методика их анализа // Гуманитарный вестник. 2016. № 12(50). С. 2.